

реконструкции «исходного» или «основного», «инвариантного» текста, который, естественно, окажется не реальностью, а неким конструктом. Не препятствуют они и так называемому идейно-эстетическому подходу, который может осуществляться при создании антологий, при художественных переводах и т. п.

Третья часть книги — «Фольклор и история» — насыщена конкретными материалами и наблюдениями, связанными с проблемой повторяемости фольклорных сюжетов («легенды об избавителе»), датировки фольклорных произведений (былины об Илье Муромце, историческая песня «Гнев Грозного на сына»), исторического документа как локального источника (типы документов, вопросы уровня документации), бытования и модификации исторического сюжета (легенда о Максиме Железняке у украинцев и русских).

Научно-методологические принципы К. В. Чистова, изложенные в его известной работе «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» (М., 1967), подтверждены и дополнены автором в обстоятельном анализе работ Венской этнографической школы о социально-утопических движениях в Европе и на других континентах в XVII—XIX вв.

В заключении книги даны фундаментальный обзор развития этнографии за последние полвека и оценка современных течений и научных направлений в нашей стране.

Книга К. В. Чистова отличается широтой взгляда на предмет этнографии и фольклористики, наличием масштабного культурологического фона во всех теоретических построениях, хорошим знакомством с понятийным аппаратом смежных наук и умелым и абсолютно уместным применением отдельных понятий таких наук, как семиотика, лингвистика, биология, теория информации и коммуникации, культурология, психология. Острое чувство нового сказалось в обращении автора к идеям, связанным со структурой и лингвистикой текста, синтаксиса, семантики и вообще к языку как плану выражения фольклорного текста. Не оставались без внимания и функциональная сторона фольклорного произведения, и сторона структурная. Особое место, как было отмечено выше, заняла проблема стереотипа и вариантов. Она побудила автора отнестись с большой ответственностью к формулировке ряда базовых и сопутствующих им понятий и призвать коллег к такому же отношению к своим трудам.

Н. И. Толстой

НАРОДЫ СССР

Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М., 1986. 454 с.

В конце 60-х годов в Институте этнографии АН СССР был создан Сектор конкретных социологических исследований, что положило начало формированию нового направления — этносоциологии, появление которой было вызвано объективной необходимостью решения широкого круга проблем в экономике, социальных отношениях, кадровой политике, языке и духовной жизни общества в целом. На конкретном материале этносоциология ставила и предлагала пути решения острых проблем, существующих в межнациональных взаимоотношениях, пыталась выяснить, как и насколько интенсивно в системе общественных отношений, в демографических процессах, социальной структуре, культуре, быту, межличностных связях выражаются и сочетаются общие для народов СССР черты и их специфические особенности и в чем конкретно проявляется их своеобразие. Сегодня, когда наши представления о национальных процессах существенно расширились в значительной степени благодаря этносоциологическим исследованиям, нельзя не отметить, что такая постановка проблемы в общих чертах уже предопределила изучение важнейшей области жизни советского общества во всей ее сложности и противоречивости.

Публикация рецензируемой работы — заметное явление в советском общественном сознании. Она завершает более чем 15-летнее исследование коллектива этносоциологов Института этнографии АН СССР, проведенное по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» (автор программы и руководитель исследования Ю. В. Арутюнян)¹. Советский читатель уже знаком с многочисленными вполне завершенными «эскизами» к социально-культурному портрету советских наций в виде коллективных и индивидуальных монографий, статей, докладов и других публикаций, отражающих региональные и частные аспекты исследования социальной структуры советских наций, межнациональных отношений, этноязыковых процессов, культуры и других вопросов. В специальной книге дано методическое обоснование названной программы². Основные научные положения этносоциологии достаточно апробированы в дискуссиях, в работе всесоюзных и международных конференций, в переводах трудов этносоциологов в зарубежных странах.

¹ Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования)//Сов. этнография. 1972. № 3.

² Арутюнян Ю. В., Дробищева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.

Качественные изменения в социально-культурном развитии наций нельзя понять вне общих этнодемографических процессов, протекающих в нашей стране, динамики численности народов, особенностей их расселения и миграции. Поэтому совершенно оправдано, что главы и разделы, в которых раскрываются конкретные стороны исследования, предвараются главой «Народы и их расселение». Заслуга коллектива, возглавляемого Ю. В. Арутюняном, состоит в том, что он впервые «увязал» динамику численности народов с социально-культурными и этноязыковыми изменениями наций. Впервые в практике изучения национальных процессов раскрыта связь между демографическими и культурными аспектами социальных перемещений, внутренняя взаимосвязь между поведением различных групп людей в трудовой, общественно-политической и культурной сферах.

Весьма интересны прогнозы роста численности наций до 2000 г. В то же время не исключено, что целенаправленная государственная демографическая политика, вызвавшая (наряду с другими факторами) в последнее время некоторое повышение рождаемости у коренного населения Латвийской и Эстонской ССР, приведет к иным результатам, чем предполагаемые.

Одной из причин роста или сокращения численности того или иного народа автор первого раздела главы (В. И. Козлов) справедливо, на наш взгляд, считает этническую ассимиляцию, которая, как можно предположить из текста главы, зависит от степени распространения этнически смешанных браков. Однако для вывода о происшедшей ассимиляции, на наш взгляд, необходимы специальные исследования, посвященные определению своей национальной принадлежности при получении паспорта подростками из национально-смешанных семей. Факт, что национально-смешанные браки оказывают очень незначительное влияние на численность коренных народов союзных республик, подтвержден в главе «Семейно-бытовая сфера жизнедеятельности народов» рецензируемой монографии (с. 172). Кроме того, общеизвестно, что часто фиксированная в паспорте национальность не совпадает с этническим самосознанием, не говоря уже о том, что формальная фиксация ее не означает полную этнокультурную ассимиляцию, как справедливо указано в главе по семье (с. 173). К сожалению, термин «этническая ассимиляция» в § 1 главы 1 употребляется без каких-либо оговорок.

Чрезвычайно важен и интересен раздел, посвященный миграции. Здесь впервые в практике обществоведческих исследований осуществлено глубокое исследование этого сложнейшего явления в современном развитом индустриальном обществе в историческом, территориальном и этническом аспектах. Полное представление об изменениях межреспубликанских миграционных процессов дает группировка союзных республик по характеру миграции. Она ставит также перед этносоциологами ряд важнейших вопросов для дальнейшего изучения. Например, какими глубинными причинами социально-экономического и национального развития можно объяснить факт, что в республиках первой группы (республики Прибалтики, УССР, Узбекская ССР и Армянская ССР) сохранение тенденции миграционного прироста населения (с. 20) приводит (кроме УССР и УзССР) к снижению удельного веса коренной национальности, особенно в составе городского населения (с. 27)? Какими факторами вызвана тенденция миграционного оттока из Азербайджана, Грузии, Белоруссии, а также изменение направления миграции в 60-х — первой половине 70-х годов в Молдавии, Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении? Чрезвычайно важны выводы об участии в миграциях людей разных национальностей. Здесь мы сталкиваемся с интересной особенностью миграций: в пределах своих республик достаточно мобильно большинство коренных национальностей, тогда как в межреспубликанской миграции участвуют в основном представители крупных славянских наций (русские, украинцы, белорусы).

Логическим завершением первой главы, определяющим всем предыдущим изложением, выступает § 3 — «Расселение». Авторы (В. Н. Шамшуров, В. И. Козлов) выделяют три группы республик, в которых на протяжении 20 лет имели место противоположные тенденции в формировании этнического состава. В первую входят республики, характеризующиеся неуклонным увеличением удельного веса коренных национальностей (все республики Закавказья, Средней Азии и Казахстан); во вторую — республики, где наблюдается столь же неуклонное снижение доли коренной национальности (РСФСР, БССР, УССР, Латвийская, Эстонская и Молдавская ССР). В третью группу авторы считают возможным отнести только Литву, где доля коренного населения на протяжении изучаемого периода не изменилась.

Несколько прямолинейно постулируется идея о большей перспективности крупных сельских поселений по сравнению с малыми. Вероятно, в этом выводе не учитывается, что при высокоразвитой дорожной сети, хорошем транспортном обслуживании и компактности расселения в целом в той или иной республике на нынешнем этапе развития сельскохозяйственного производства малые поселения имеют свои преимущества, которые по мере совершенствования колхозно-кооперативного производства (в частности, широкого внедрения семейного подряда), вероятно, получат объективную оценку в будущем.

В главе 2 — «Социальная структура наций: сфера труда» рассматриваются основные направления исторического формирования однотипной социальной структуры как важнейшего условия утверждения фактического равенства народов. Сложность этой проблемы раскрывается на обобщенном материале социально-культурного развития народов бывшей Российской империи. Тем убедительнее выглядит характеристика поэтапного устранения за годы Советской власти глубоких культурных и социальных диспропорций. Несколько легковесным выглядит объяснение удельного веса в составе коренных национальностей Грузии, Азербайджана и всех республик Средней Азии работников сельского хозяйства «сравнительной привлекательностью» сельскохозяйст-

венного труда среди местного населения (с. 51). Впрочем, вполне понятно, что рамки даже достаточно обширной монографии не дают возможности раскрыть абсолютно все аспекты поставленной проблемы с исчерпывающей полнотой, в частности базисные экономические факторы, определяющие особенности распределения городского и сельского населения, в том числе по отраслям народного хозяйства.

Особое значение имеет подробнейший, всесторонний анализ основных направлений современного развития социальной структуры советских наций, сходства и национальных особенностей социально-профессиональных групп. Важность этого анализа заключается не столько в обобщенной характеристике развития социальной структуры, сколько в диалектичном подходе к проблеме. Несмотря на то что длительный процесс сближения уровней развития наций продолжается и едва ли когда-либо завершится во всех проявлениях, принципиально важное значение имеет вывод и доказательство того, что в системе социалистических общественных отношений национальная принадлежность не играет решающей роли в социальном росте личности. Этот вывод имеет большое политическое и идеологическое значение, ибо наглядно демонстрирует основной результат ленинской национальной политики—достижение социально-политического равенства советских наций.

Особое место в рецензируемой работе отведено семейно-бытовой сфере жизнедеятельности народов (глава 3). Анализ общих и особенных черт в ней предварен ссылкой о развитии семьи «традиционного» типа к «современному». Вероятно, специфика крупномасштабного этносоциологического исследования, преследующего цель дать социально-культурный облик советских наций как бы «с птичьего полета», вызвала некоторые неточности в деталях при характеристике традиционного типа семьи. Этот тип, для которого характерны многодетность, многопоколенность и совместное проживание большого числа родственников (с. 106), едва ли правомерно соотносить с прибалтийскими нациями, так как среди коренных народов здесь уже в XIX в., за исключением отдельных локальных районов Прибалтики, преобладала малая семья, состоящая из супружеской пары с детьми. На фоне уже выделенных западных и восточных регионов СССР не являются неожиданными различия и в предрасположенности населения к национально-смешанным бракам и в доле национально-смешанных семей. Правда, основной анализ почти не затрагивает выделенную ранее по ряду важнейших этносоциальных характеристик группу республик Средней Азии. В разделе приведены оригинальные данные и теоретические рассуждения. В рамках предложенного объема автор главы (А. А. Сусоколов) пытался изучить роль таких факторов, влияющих на динамику межнациональной брачности, как национальный состав населения, совместимость норм внутрисемейного общения, распространение двуязычия, сходство социально-профессионального и отраслевого состава населения, этнокультурная специфика национально-смешанных семей, их стабильность, определение детьми своей национальной принадлежности и др. Далеко не полный перечень поднятых вопросов уже сам по себе говорит о том, что решение хотя бы части из них с убедительной полнотой требует самостоятельного исследования. Основная ценность этого раздела, как нам кажется, не столько в освещении поднятых вопросов, сколько в их постановке. Дальнейшие исследования непременно дадут большую детализацию межнациональной брачности с учетом дифференциации региональных и локальных особенностей, конкретно-исторического опыта межнационального общения народов, более тонкого рассмотрения существующих черт формирования и функционирования национально-смешанных семей. Анализируя динамику межнациональной брачности, автор обнаруживает зависимость между долей назвавших русский язык вторым или родным среди нерусского населения союзных республик и долей национально-смешанных семей. Однако констатация этой связи не раскрывает суть сложнейшего процесса развития межнациональной брачности. Об этом свидетельствует и тот факт, что эта связь, как пишет автор, в 70-е годы стала ослабевать. В результате мы так и не узнаем, как языковый фактор влияет на межнациональную брачность, ибо постулируемый тезис о необходимости освоения русского языка для приобщения к мировой культуре, проиллюстрированный единственным примером, относящимся к Эстонии (с. 155), не согласуется с исходной посылкой. Нельзя не сказать о нежелательности использования в нашей обществоведческой литературе термина «престижность брака» (с. 162), во всяком случае, когда речь идет о его национальном составе.

Логичным продолжением характеристики социально-культурного облика советских наций выступает глава 4—«Культурная жизнь: условия, интенсивность, черты», в которой впервые дан обстоятельный анализ культурной среды, интенсивности освоения культуры, сходства и этнических особенностей культурной жизни, обрядовой сферы у наций СССР в историческом развитии. Здесь же определены тенденции и закономерности культурного развития на основе весьма обобщенных усредненных данных официальной статистики (например, числа учреждений культуры на 10 тыс. и более человек, числа посещений театров по союзным республикам за длительный период в расчете на 100 человек и т. п.). Благодаря широкому привлечению материалов этносоциологического опроса удалось ярко высветить общее и особенное в интенсивности освоения культуры советскими нациями, в предпочтении разными народами тех или иных занятий во вне рабочее время, в том числе в сфере культуры в самых различных ее аспектах (предпочтение литературы, музыки и т. п.).

Процесс развития и сближения национальных культур теснейшим образом связан с этноязыковыми процессами в СССР, которым посвящена глава 5—«Двуязычие: направление и результаты развития». Значение последовательного раскрытия структурного и функционального развития национальных и русского языков в различных республиках и СССР в целом выходит за пределы сугубо языковых проблем. Чрезвы-

чайно важно, что в главе большое внимание уделено результатам языковой политики партии и правительства в обеспечении «сбалансированного» языкового развития в СССР, изложена суть развития и распространения национально-русского двуязычия, дана характеристика функционирования языков в различных сферах жизнедеятельности народов. Здесь раскрываются факторы и закономерности складывания диалектического единства национального и интернационального в языковой жизни, характеризуются общественные потребности в освоении языка межнационального общения и способы реализации этих потребностей. Национально-русское двуязычие находит свое выражение во все более широком распространении русского языка среди коренных наций союзных республик. Этот объективный процесс по-разному протекает в республиках и тесно связан с особенностями их социально-экономического развития как в прошлом, так и в настоящем. В то же время ставится вопрос (правда, не столь широко и вместе с тем детально) о степени овладения русскими языками коренных народов: за период между переписями 1970 и 1979 гг. доля русских, овладевших ионациональными языками, возросла на 24% (с. 322). Вероятно, при дальнейшем изучении процессов двуязычия данный аспект будет привлекать больше внимания, потому что, как отмечается в книге (с. 318), он имеет большое значение для формирования благополучного климата межнационального общения. Не случайно в последнее время в ряде республик серьезно ставится вопрос о расширении возможностей для освоения языков коренных национальностей — создании курсов, кружков, улучшении их преподавания в русских школах и т. п. Функциональное взаимодействие языков народов СССР иллюстрируется обильными статистическими данными о книгоиздательском деле, переводах на русский и национальные языки произведений советских и зарубежных писателей и о других аспектах языковой жизни. Осуществление планирования и прогнозирования факторов оптимизации языковой ситуации немислимо без знания конкретных потребностей советских наций в том или ином языке. В этой связи интересен неожиданный факт: в Узбекистане, который, как и весь среднеазиатский регион, характеризуется все большей «коренизацией» этнического состава, оттоком русского населения, доля желающих обучать детей в школе с русским языком обучения выше, чем в других республиках, в том числе и в республиках этнически более мозаичного западного региона. Роль окружающей среды в формировании такой потребности оказалась гораздо сложнее, чем показалось на первый взгляд: в западном регионе потребность в знании второго языка (в данном случае русского) компенсируется более широкими возможностями ее удовлетворения помимо школьного обучения.

Глава 6 — «Психология национальных отношений» завершает освещение конкретных черт социально-культурного облика советских наций. Важно, что в рассматриваемой главе межнациональные отношения раскрываются на личностном уровне, т. е. там, где положения официальной идеологии и пропаганды воплощаются в установках и поведении людей. Именно на этом уровне степень освоения принципов интернационализма может дать наиболее конкретное представление о закономерностях и тенденциях формирования характера межнациональных отношений. Как и в других главах, здесь особенно ценным представляется поиск теоретических факторов и практических форм, способствующих развитию дружественных отношений между представителями разных наций, равно как и вскрытие конкретных причин, создающих противоречивые, сложные ситуации в области межнациональных отношений, а главное, поиск путей их преодоления. Поставленная задача отличается особой сложностью, т. к. автору главы (Л. М. Дробижева) надо делать выводы в условиях, когда взаимодействуют связанные, но не однозначные тенденции: с одной стороны, тенденция к интеграции в образе жизни народов, облегчающая их взаимопонимание и контакты, и с другой — тенденция роста национального самосознания, сопровождающегося более широкой интерпретацией национальных интересов и потребностей (с. 348). Как отмечает автор, многие, но далеко не все негативные стороны межнациональных отношений могут быть объяснены историческим прошлым народов. Большое значение в этом аспекте имеет место личности в социальной системе нашего общества, степень реализации ею своего культурного потенциала в достижении социальных целей, что в свою очередь зависит от множества факторов, начиная от этнического состава производственных коллективов и кончая социально-профессиональной квалификацией индивида. Существенный вывод, сделанный в результате глубокого анализа различных аспектов жизнедеятельности советских наций, состоит в том, что удовлетворенность или неудовлетворенность национальными отношениями определяется особенностями социальной мобильности конкретных людей, независимо от национальности. На межнациональные отношения и установки влияют и многие явления из области культуры — уровень образования, знание языка межнационального общения, нормы поведения и др. Однако действие перечисленных факторов не имеет прямолинейного характера. Ведущая тенденция — сближение народов в различных социально-профессиональных группах советских наций — имеет свои особенности, которые определяются как историческим прошлым, так и современным уровнем развития наций. До тех пор пока этносоциологи не поставили и не осветили хотя бы частично этот вопрос, представление об интернационалистском характере межнациональных отношений в нашем обществе формировалось главным образом под впечатлением успехов фестивалей и декад культуры. Но сравнительно легко управляемые на официальном уровне межнациональные отношения имеют «подводную часть айсберга», которую удалось вскрыть лишь после глубокого научного осмысления их на реальном, межличностном уровне. Принципиально важен вывод о качественно иной природе межнациональных отношений в советском обществе по сравнению с обществом с антагонистическими классами. Единство социально-экономической базы, отсутствие каких-либо преимуществ для одних и ограни-

чений для других наций привели к общему благоприятному климату межнационального общения, а встречающиеся негативные явления в отдельных сферах резко складываются в систему взглядов.

Рамки рецензии не позволяют дать полный анализ всех основных аспектов книги. Однако нельзя не отметить методологическое значение выводов заключения. Достигнутый уровень знания в области этносоциологии позволил в национальной социально-культурной множественности и многовариантности советских наций выделить два их типа: один, условно названный «европейским», и второй, представленный Узбекистаном («азиатский»? — М. У.) (с. 421—422). Вывод, вытекающий из анализа двух выделенных типов, в общих чертах сводится к выраженной сепаратности социальных и этнических признаков в первом типе и их взаимообусловленности во втором. При этом этнические признаки наций первого типа не менее стабильны, чем второго. Возникает вопрос: на каком именно уровне социально-культурного развития наступает качественно новый характер взаимосвязи социальных и этнических признаков, свойственный нациям первого типа? Чем, в отличие от второго типа, детерминируется устойчивость его собственно этнических признаков?

Возникновение подобных вопросов само по себе уже говорит о необходимости продолжения и углубления этносоциологических исследований, ибо на нынешнем уровне советского обществоведения дать ответ на них может пока только этносоциология.

Рецензируемая монография появилась благодаря настойчивому труду коллектива людей, продолжавшемуся почти два десятилетия и требовавшему выполнения не только творческой теоретической, но и огромной технической работы специалистов. Легко представить ее трудности, зная неудовлетворительное состояние материально-технического обеспечения массовых исследований, в частности почти полное отсутствие компьютерной техники.

В книге, подобной «Социально-культурному облику советских наций», нуждаются не только специалисты, преподаватели, но и практические работники, имеющие отношение к тем или иным аспектам социально-культурного развития советских наций и межнациональных отношений. Остается сожалеть, что столь нужная нашей общественности книга вышла в свет столь малым тиражом (4 тыс. экз.) и сразу стала библиографической редкостью. Думается, что переиздание монографии в кратчайший срок было бы целесообразным и оправданным как с позиций теоретических научных исследований, так и с позиций практики управления многонациональным советским обществом.

М. Я. Устинова

В. М. Мокиенко. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986. 280 с.

Историческая фразеология русского языка как научная дисциплина стала складываться в последние годы. Более 10 лет назад актуальным был вопрос, поставленный автором рецензируемой книги, известным специалистом по русской и славянской фразеологии В. М. Мокиенко: к чему относится историческая фразеология — к лингвистике или к этнографии? ¹ Эта методологическая проблема сейчас уже получила удовлетворительное решение: «На вопрос В. М. Мокиенко, относится ли историческая фразеология к этнографии или лингвистике, можно ответить без особых сомнений: относится к этнолингвистике» ², — дисциплине, изучающей взаимовлияния языка и народной культуры. Монография В. М. Мокиенко представляет собой опыт этнолингвистического подхода к фразеологии: целью исследования является раскрытие того, как «в русской фразеологии отражается внеязыковая действительность (прежде всего элементы материальной и духовной культуры) в исторической ретроспективе» (с. 3). Автор использует (обстоятельно обоснованный им в предыдущей книге) ³ метод «структурно-семантического моделирования, суть которого заключается в сопряжении литературного оборота с его многочисленными вариантами в русских и славянских диалектах и языках» (с. 5). Отметим, что принципы реконструкции фразеологизмов, представляющиеся с строго этимологической точки зрения парадоксальными ⁴, оказываются в чем-то близкими фольклористике: так, если при этимологическом анализе формальное и/или семантическое варьирование слова является помехой, которую нужно «преодолеть», то при генетическом и историческом изучении фразеологии и фольклорных текстов вариантность следует рассматривать как позитивное явление, изначально присущее объекту изучения ⁵. Отличие фразеологизмов состоит в том, что на смену «вариантному

¹ Мокиенко В. М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопр. языкознания. 1973. № 2. С. 21—34.

² Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. С. 189—190.

³ Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980.

⁴ См.: Толстой Н. И. О реконструкции праславянской фразеологии // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1973. С. 277—278.

⁵ О вариативности в фольклоре см.: Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л., 1986. С. 107—177.